ДМИТРИЙ БЕККЕР

ПОМНЯТ ТОЛЬКО МЁРТВЫЕ

КНИГА 2

18+

Дмитрий Беккер

Помнят только мёртвые. Книга 2

«Автор»
2026

Беккер Д.

Помнят только мёртвые. Книга 2 / Д. Беккер — «Автор», 2026

Четыре года Алексей Кожевников помогал мёртвым принять свою смерть. Он находил их, выслушивал и провожал к двери. Он верил, что за всем этим стоит некий порядок.Теперь он в этом сомневается.Почему одних встречают сразу после смерти, а другие остаются совершенно одни? Кто установил правила, которым подчиняются Провожающие? И что на самом деле ждёт человека по ту сторону двери?Не получив ответов, Алексей решает найти их самостоятельно. Но чем ближе он оказывается к разгадке, тем труднее ему понять, где заканчивается стремление помочь людям и начинается желание решать за них.Что, если даже после смерти человеку приходится бороться за право выбирать собственную судьбу?Второй роман мистической трилогии «Помнят только мёртвые». История об одиночестве, свободе выбора и цене благих намерений.

© Беккер Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пять пальцев 5
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Дмитрий Беккер
Помнят только мёртвые. Книга 2

Глава 1. Пять пальцев

Первым вернулся звук.

Где-то совсем рядом тяжело дышал человек. Под его ногами скользило, хлюпало, он ругался вполголоса, и в этой ругани было что-то удивительно знакомое, обыкновенное. Так ругаются, когда тащат на пятый этаж холодильник, а сосед сверху не придержал дверь.

Потом вернулось тело.

Алексей ударился локтем о край ступеньки, почувствовал давление на щиколотку и мокрые колени. Его протащило ещё немного, перевернуло на спину, и он увидел небо.

Небо было серое. Над крышей пятиэтажки висели низкие октябрьские облака. В одном из окон горел свет.

Он смотрел на это окно и никак не мог понять, почему ему так хочется, чтобы оно не погасло.

- Лежи. Не вставай пока.

Человек отпустил его ногу.

Алексей пошевелил пальцами. Сначала на правой руке, потом на левой. Сжал ладонь, разжал. Под ногтем большого пальца застряла песчинка. Он выковырял её другим ногтем и зачем-то улыбнулся.

Песчинка.

Он поднял руку к лицу, рассмотрел её, повернул ладонью вверх. Потом потрогал асфальт. Асфальт был шершавый, мокрый. В лужице возле локтя плавал маленький жёлтый лист.

Жёлтый.

Он вспомнил рулетку. Потом короб. Потом мальчика в курьерской куртке, который сидел на спинке лавочки и возмущался, что за доставку в такую погоду платят совершенно неприличные деньги.

Никита.

Алексей перестал улыбаться.

Он резко сел.

- Никита!

Перед ним стояла железная дверь подъезда. Серая, в мелких вмятинах, с выцветшей наклейкой доставки.

Обычная дверь.

Алексей вскочил, подбежал к ней, схватился за скобу. Потянул.

Заперто.

- Никит!

Он приложил ладонь к железу. Провёл по нему сверху вниз, ощупал края, петли, домофон. Обернулся, посмотрел под козырёк, за угол подъезда.

- Никита!

- Лёша.

- Подожди.

Он спустился со ступенек, заглянул за скамейку. У мусорных баков сидела кошка. При его приближении она поднялась, выгнула спину и неторопливо ушла под машину.

- Никит, хорош. Выходи.

Он даже попытался сказать это с улыбкой. Так, словно Никита опять решил пошутить, спрятался за углом и сейчас выскочит оттуда, довольный собой, с каким-нибудь совершенно идиотским замечанием.

- Слышь. Не смешно уже.

За спиной скрипнула ступенька.

- Лёша, его здесь нет.

Алексей обернулся.

На верхней ступеньке сидел бородатый. Старая куртка расстёгнута, один рукав испачкан в грязи, на колене мокрое пятно. Он дышал открытым ртом и держал обе руки на бёдрах.

Диспетчер.

Алексей посмотрел на него, потом снова на дверь.

- Где он?

Бородатый не ответил.

- Ты его вытащил?

- Нет.

- Он где?

- Алексей Николаевич...

- Я спрашиваю, где он?

Диспетчер медленно выпрямился.

- Не знаю.

Алексей стоял посреди двора. Вода с плаща стекала на брюки. Где-то за домами проехала машина, шины прошуршали по мокрой дороге.

Он вспомнил пальцы Никиты. Чёрные хлопья, которые отделялись от рукавов его куртки. Закрытые глаза.

И то, что он был рядом и смотрел.

Смотрел, как исчезает его друг, и почти ничего не чувствовал.

Он согнулся, упёрся ладонями в колени. Его затошнило. Он несколько раз глубоко вдохнул, но воздуха всё равно не хватало.

- Господи, - сказал он.

Диспетчер поднялся.

- Сядь.

- Я нормально.

- Вижу, как ты нормально. Сядь, говорю.

Алексей позволил отвести себя к скамейке. Сел с краю, положил руки между коленями и уставился на мокрые носки ботинок.

Некоторое время они молчали.

Потом Алексей спросил:

- Ты видел, куда он ушёл?

- Нет. Я пришёл, когда ты уже полез туда.

- А если бы ты пришёл раньше?

Диспетчер посмотрел на дверь.

- Если бы раньше.

- На минуту хотя бы.

- Лёш.

- На одну минуту.

Бородатый провёл рукой по лицу. На его ладони осталась грязь, и он машинально вытер её о брюки.

- Ты вообще понимаешь, что сейчас сделал?

Алексей не ответил.

- Я тебя спрашиваю. Ты понимаешь?

- Прыгнул за ним.

- Прыгнул он. Господи ты боже мой. Прыгнул он за ним!

Диспетчер вдруг повысил голос. Алексей поднял голову.

- Ты хоть подумал, куда лезешь? Хоть на секунду остановился? Посмотрел, что перед тобой?

- Посмотрел.

- И?

- И прыгнул.

- Замечательно. Просто замечательно, Алексей Николаевич.

Он встал, прошёлся перед скамейкой, вернулся.

- Я тебя за ботинок поймал. За ботинок! Ещё немного, и не за что было бы хватать. Ты это понимаешь? Я бы сейчас сидел здесь один и смотрел на эту чёртову дверь!

Алексей впервые видел его таким.

Он помнил его на берегу Пахры, в первое утро. Помнил, как тот терпеливо объяснял ему, почему мама не сможет его помнить. Помнил уроки, адреса, короткие замечания на полях тетради. Даже когда Алексей делал что-нибудь неправильно, бородатый обычно вздыхал, тёр переносицу и начинал объяснять сначала.

Сейчас у него дрожали руки.

- Я думал, если что, вернусь, - сказал Алексей.

Диспетчер остановился.

- Откуда?

- Ну... Вернусь.

- Как?

- Как обычно.

Бородатый внимательно посмотрел на него.

- Ты второй раз умирал?

Алексей кивнул.

- Когда?

- Позавчера.

- Поэтому помнишь меня.

- Поэтому.

Диспетчер помолчал.

Он сел обратно. Несколько секунд смотрел перед собой, потом тяжело выдохнул.

- Послушай меня внимательно. То, что с тобой случилось позавчера, и то, куда ты сейчас полез, - разные вещи. Совершенно разные. Не вздумай их путать.

- А что там?

- Не знаю.

Алексей повернулся к нему.

- В смысле?

- В прямом. Не знаю.

- Ты же...

Он запнулся.

Ещё вчера, сидя на скамейке у своего дома, Алексей вспоминал этого человека и с каким-то детским облегчением понимал, что у него есть наставник. Что при всех этих дверях, гулах, аэропортах и незнакомых лицах существует кто-то, кто знает больше него.

Можно было наконец задать вопросы.

Он так долго ждал возможности их задать.

- Я видел, как он рассыпался, - сказал Алексей. - Прямо у меня на глазах. Что это значит?

Диспетчер опустил голову.

- Не могу тебе сказать.

- Не можешь или не знаешь?

- Не знаю, Лёша.

- А кто-нибудь знает?

Бородатый не ответил.

Алексей посмотрел на свои ладони.

- Ему двадцать один был.

Диспетчер сидел рядом.

- Он пункт выдачи открыть хотел. Он даже место нашёл. У остановки, там, где цветочный. Смешной такой. Бизнес-план составил, на двенадцать страниц. Всё посчитал.

Алексей потёр глаза.

- Там уже открыли, кстати.

Он замолчал.

Перед ним почему-то очень отчётливо стояла девушка в зелёной жилетке, которая сканировала коробки за стойкой. И люди, которые шли к ней с электрички. Один за другим.

Поток - офигеть.

- Он бы справился, - сказал Алексей.

Диспетчер тихо ответил:

- Наверное.

И от этого простого «наверное» у Алексея наконец потекли слёзы.

Он отвернулся, натянул капюшон и долго сидел, прижав ладони к лицу.

Диспетчер больше ничего не говорил.

* * *

На первом этаже открылось окно.

Женщина в домашнем халате высунулась наружу, посмотрела на лужу под подоконником и крикнула кому-то в глубине квартиры:

- Валь, дождь кончился!

Из квартиры ответили что-то неразборчивое.

Окно закрыли.

Алексей вытер лицо рукавом.

- А ты чего здесь вообще?

- В смысле?

- Как ты меня нашёл?

- Я не тебя искал.

- А кого?

- Савельева.

Алексей повернулся.

- Никиту?

- Да.

- Зачем?

- Поговорить с ним. Выяснить, что произошло. Мне Антонина Григорьевна кое-что рассказала, и я...

Диспетчер остановился.

Алексей смотрел на него.

- Какая Антонина Григорьевна?

Бородатый вздохнул.

- Ты знаешь какая.

- Тоня?

- Да.

- Ты её встретил?

- Встретил.

Алексей некоторое время молчал. Он даже перестал шмыгать носом.

- А когда?

- После её смерти.

- Ты к ней пришёл?

- Лёша, да. Пришёл.

Алексей медленно откинулся на спинку скамейки.

- Вот оно что.

Диспетчер, видимо, понял, к чему идёт разговор.

- Не начинай.

- Нет, подожди. Мне интересно. Она умерла, и ты к ней пришёл. Правильно?

- Правильно.

- Она тебе рассказала, что её Никита убил?

- Она не знала, кто её убил. Рассказала про молодого человека, которого видела в машине. Про холод. Потом мы начали говорить о том, что происходило до этого. Она вспомнила курьера.

- И ты решил его найти.

- Да.

- Как?

- Сначала выяснил, о каком курьере идёт речь. Потом нашёл адрес его матери. Я думал, он может быть здесь.

Алексей кивнул.

Он смотрел на окна пятого этажа. Крайнее, с геранью, было тёмным.

- А девять дней ?

- Что?

- Девять дней. Где вы были?

Диспетчер нахмурился.

- Какие девять дней?

- Он девять дней после смерти ездил на велосипеде. Один и тот же заказ. Один и тот же маршрут. Приезжал к её дому, звонил в калитку, ждал. Потом опять ехал. Девять дней, понимаешь?

Бородатый слушал.

- Он даже не сразу понял, что умер. Думал, телефон сломался. Что приложение зависло. Он переживал, что у него рейтинг упадёт. Рейтинг, блин!

Алексей засмеялся. Получилось неприятно, и он сразу замолчал.

- Я его встретил случайно. Меня не к нему позвало. Я вообще по своим делам приехал. А если бы не приехал? Сколько бы он ещё там ездил?

- Не знаю.

- Опять?

- Опять.

- А к ней ты пришёл.

- Пришёл.

- К ней, значит, можно.

Диспетчер подался вперёд.

- К ней нужно было прийти.

Алексей посмотрел на него.

- Ты знаешь, что она сделала?

- Знаю.

- Нет, ты не понимаешь. Она меня убила. Она четыре года назад убила меня. Она отца моего чуть не убила. Никиту. И кто знает, сколько ещё людей. Она тридцать лет... Тридцать лет травила соседа, понимаешь? Человека, который рядом с ней жил!

- Я разговаривал с ней, Лёша.

- И что?

- Поэтому я и говорю: знаю.

Алексей встал.

- Охренеть.

Он прошёлся до подъезда, развернулся.

- То есть она умирает, и к ней приходит человек. Садится рядом, разговаривает с ней, спрашивает, что она чувствует. Ей всё объясняют. А Никитка пусть девять дней катается. Пусть сходит с ума. Пусть чернеет. Пусть потом душит собственную мать. Так?

- Нет.

- А как?!

- Не ори на меня.

- А на кого мне орать?!

Женщина на первом этаже снова открыла окно.

- Молодые люди, вы время видели?

Алексей поднял голову.

- Извините.

- Люди спят вообще-то!

- Извините, пожалуйста.

Окно захлопнулось.

Диспетчер потёр переносицу.

- Сядь.

- Не хочу я сидеть.

- Как хочешь.

Он застегнул куртку. Потом сказал:

- Вот ты сейчас обвиняешь меня в том, что я пришёл к Антонине Григорьевне. А что мне следовало сделать? Увидеть её и уйти? Сказать, что она заслужила?

Алексей молчал.

- Ты четыре года работаешь. Сколько людей ты встретил? Тысячу? Больше? Ты у каждого сначала спрашивал, хороший он человек или плохой?

- Нет.

- А если плохой, что? Оставлял?

- Нет.

- Ну так чего ты от меня хочешь?

- Я хочу знать, почему не пришли к Никите !

Диспетчер замолчал.

- Мне плевать сейчас на Тоню. Ну, пришёл ты к ней, хорошо. Молодец. Только объясни мне, пожалуйста, почему к нему никто не пришёл. Кто должен был? Кто его пропустил? Где этот человек? Можно с ним поговорить хотя бы?

Бородатый посмотрел на Алексея.

- Мне никто не говорил, что он умер.

- Тебе?

- Мне.

- А кому говорили?

- Я не знаю, кто должен был услышать его гул.

- Так узнай.

Диспетчер ничего не ответил.

- Ну вот я к тебе обращаюсь. К кому мне ещё обратиться? Ты же меня учил. Ты мне адреса давал, ты мне объяснял, как всё работает. У тебя же должны быть какие-то люди, которые знают. Или как?

- Есть вещи, которых я тебе сейчас объяснить не могу.

- Почему?

- Потому что не всё так просто.

Алексей усмехнулся.

- Ага.

Он снова подошёл к скамейке, но не сел.

- А Никите, значит, просто было ?

- Я этого не говорил.

- Почти десять дней.

- Да услышал я тебя, Алексей!

Диспетчер поднялся.

- Услышал. Хорошо. Допустим, девять дней его никто не встретил. А потом встретил ты.

Алексей замер.

- Ты ведь нашёл его дверь?

- Нашёл.

- Он мог уйти?

- Мог.

- Почему не ушёл?

- Он хотел помочь матери.

- Ты ему объяснил, что будет, если он останется?

- Объяснил.

- И?

- Он не хотел.

- Ну вот.

- Что «ну вот»?

- Он отказался. Ты его встретил. У него была дверь, у него была возможность уйти, он решил остаться.

Алексей смотрел на него.

- Он хотел найти человека, который его убил.

- Я понимаю.

- Хотел, чтобы мама перестала думать, что её сын напился и сдох в овраге.

- Понимаю.

- Да ничего ты не понимаешь!

Диспетчер опустил руки.

- А ты? Ты почему с ним остался?

Алексей не сразу понял вопрос.

- Что?

- Ты видел, что он меняется?

- Видел.

- Ты знал, чем это может закончиться?

- Я думал, у нас есть время.

- Сколько?

Алексей молчал.

- Ты знал, сколько у вас времени?

- Нет.

- Тогда почему решил, что оно есть?

Вопрос был задан спокойно. Именно поэтому Алексей не нашёлся с ответом.

Он вспомнил Никиту в Тбилиси. Никиту в «Сапсане». Его серые виски. Его шутки, которые становились всё злее, и собственную привычку делать вид, что ничего особенного не происходит.

«Ты такой же, как я, серенький».

Он вспомнил, как сидел вчера у больничной койки отца и думал, что Никита подождёт.

Ещё один день.

- Я его не держал, - сказал Алексей.

- Я не говорю, что держал.

- Он сам хотел остаться.

- Сам.

- Я не мог его заставить уйти.

- Не мог.

- Тогда зачем ты мне это говоришь?

Диспетчер долго смотрел на него.

- Затем, что ты сейчас ищешь человека, который мог всё исправить.

Алексей опустил глаза.

- А я не уверен, что такой человек был, - закончил бородатый.

Они снова замолчали.

Где-то под машиной мяукнула кошка.

Алексей вдруг подумал, что ненавидит Диспетчера. За его спокойствие. За его куртку, за его бороду, за то, что он стоит здесь и рассуждает о выборе Никиты, тогда как Никиты больше нет.

А потом вспомнил, что сам ещё несколько дней назад точно так же разговаривал с другими умершими.

О выборе. О принятии. О том, что нельзя отвечать за всё на свете.

Он сел.

- Ты бы видел его, - сказал Алексей. - Ты бы просто его увидел.

Диспетчер сел рядом.

- Хотел бы.

* * *

В половине пятого утра на Кирова включились фонари.

Сначала один, у школы. Потом второй, возле поворота. Потом весь ряд, до самого перекрёстка. Свет был жёлтый, слабый, и мокрые ветки деревьев блестели под ним.

Двор постепенно становился похож на обыкновенный двор.

Алексей смотрел на фонари.

- А Дашу тоже встретили?

Диспетчер повернул голову.

- Какую Дашу?

- Медведково. Двадцать третий год.

Бородатый некоторое время вспоминал.

- Да.

- Ты мне тогда сказал, что их встретили. Ты сидел со мной на лестнице. Возле её квартиры.

- Было такое.

- Кто встретил?

Диспетчер не ответил сразу. Алексей уже приготовился услышать очередное «не знаю», но тот сказал:

- Я там был.

Алексей повернулся к нему всем телом.

- Где?

- В Медведкове.

- Когда?

- В ту ночь.

- Ты пришёл к Даше?

- К Артёму.

У Алексея пересохло во рту.

Он смотрел на бородатого и пытался совместить две картинки: эту скамейку, мокрую куртку, грязные брюки - и тёплую июльскую лестницу с опечатанным лифтом, на которой он три ночи подряд звал Дашу.

- Почему ты мне не сказал?

- Я сказал тебе, что их встретили.

- И всё?

- И всё.

- Я три дня там ходил!

- Знаю.

- Я думал, они где-то там. Что я опоздал и они остались одни. Что с ними случилось что-нибудь...

Он не договорил.

- Почему ты пришёл к Артёму?

Диспетчер посмотрел перед собой.

- Хотел проверить, пришёл ли ты к ним по итогу.

Алексей почувствовал знакомую тяжесть под грудиной.

Ибица. Телефон. Белая гостиничная стена. Гул, от которого он накрыл голову подушкой.

«Пусть кто-нибудь другой».

Получается, кто-нибудь другой всё-таки пришёл.

- Ты знал, что я не пошёл?

- Подозревал.

- А дальше?

- Что дальше?

- Что с ними случилось?

Диспетчер провёл ладонью по бороде.

- Давай не сейчас.

Алексей даже рассмеялся.

- Конечно.

- Я серьёзно.

- Я тоже.

- Ты сегодня чуть не исчез. Ты еле сидишь.

- Я три года жду, когда мне кто-нибудь расскажет, что с ней произошло!

- Знаю.

- Не говори ты всё время, что знаешь! Ты сейчас умолчишь, а завтра о нашем разговоре я не вспомню.

Бородатый замолчал.

Алексей наклонился к нему.

- Она ушла за дверь?

Диспетчер посмотрел на него.

- С Дашей всё в порядке, Лёша.

Алексей несколько секунд ждал продолжения.

Продолжения не было.

- Что значит «в порядке»?

- То и значит.

- А Артём?

Диспетчер отвёл глаза.

Алексей отодвинулся.

- Объясни!

Бородатый посмотрел на окна пятиэтажки, потом на Алексея.

- Не могу.

Они сидели рядом, и Алексей пытался понять, почему эта короткая фраза задевает его сильнее всего остального.

Он мог бы принять незнание. Сам много чего не знал. Мог бы принять ошибку. Господи, сколько ошибок он сам совершил.

Но сейчас перед ним сидел человек, который был там, видел Дашу, разговаривал с Артёмом и по какой-то причине решил, что Алексей не должен знать, что произошло.

- Ты всегда так со мной разговаривал? - спросил он.

- Как?

- По чуть-чуть. Только то, что мне положено знать.

- Я учил тебя работать.

- А остальное?

Диспетчер устало улыбнулся.

- Ты бы в первое утро и половины остального не понял.

- А сейчас?

Улыбка исчезла.

- Сейчас я четыре года работаю. В тысяче с лишним смертей участвовал. Сам дважды умер. Друга потерял. Сколько ещё нужно ?

Бородатый молчал.

- Когда я буду достаточно взрослый, чтобы ты мне рассказал?

- Дело не в этом.

- А в чём?

Ответа Алексей не дождался.

* * *

Он уже собирался уходить, когда вспомнил лестницу.

Горчичные стены, тусклая лампочка, зелёная краска, под которой проступали голубые буквы.

- Слушай, - сказал он.

Диспетчер поднял голову.

- Ты в Петербурге пятнадцать лет назад был?

- Мог быть. А что?

- На лестнице. Между вторым и третьим этажом. Там ещё парень умер, Костян его звали.

Бородатый нахмурился.

- Пятнадцать лет назад?

- Да.

- Лёш, я позавчерашних-то по именам не всех помню.

- Ты там надпись оставил.

- Какую?

- «Лёша, не бойся. Ты справишься».

Диспетчер посмотрел на него.

- Где оставил?

- На стене.

- Я?

- Твоим почерком.

Бородатый несколько секунд молчал.

Потом полез за пазуху, достал свою толстую тетрадь, открыл на чистой странице и снял с ручки колпачок.

- Адрес помнишь?

Алексей уставился на него.

- Ты серьёзно?

- Вполне.

- Ты не помнишь?

- Я такого не писал.

- Почерк твой.

- Ты уверен?

- Я четыре года смотрел на твой почерк! На первой странице!

Диспетчер положил ручку поперёк тетради.

- Что ещё было?

Алексей рассказал про Вадика. Про умершего друга. Про молодого человека, который сидел на ступеньках и разговаривал с пустым местом. Про его слова: «За вами потом придёт Лёша».

Бородатый слушал внимательно.

- Это тебе сам Вадик сказал?

- Сам.

- А надпись ты видел?

- Видел.

- Под краской?

- Да.

Диспетчер взял ручку.

- Интересно.

Алексей посмотрел на него.

- Интересно?

- Очень.

- И всё?

- А что ты хочешь, чтобы я сказал?

- Правду.

- Я тебе её и говорю. Я ничего про эту надпись не знаю.

Он записал несколько слов и поднял глаза.

- Адрес дашь?

Алексей назвал местоположение в общих чертах. Точный адрес был потерян вместе с тетрадью.

Диспетчер аккуратно записал всё, что Алексей вспомнил. У буквы «д» был длинный хвост, уходивший под строку. Алексей смотрел, как движется ручка.

Тот самый почерк.

Он встал.

- Ладно.

- Ты куда?

- Спать.

- Пойдём вместе. Тебе поесть надо сначала.

- Не надо.

- Лёша.

- Я сам.

Он пошёл к выходу со двора.

- Алексей Николаевич!

Алексей обернулся.

Диспетчер стоял возле скамейки.

- Ты больше туда не лезь. Пожалуйста.

Он произнёс это без раздражения, почти тихо.

Алексей ничего не ответил.

* * *

В круглосуточном магазине возле остановки продавались тетради.

В основном тонкие, по двенадцать листов, с котятами, автомобилями и таблицей умножения на обороте. Алексей долго перебирал их, пока не нашёл толстую, в клетку, с однотонной синей обложкой.

- Ручки есть? - спросил он.

Продавщица оторвалась от телефона.

- Вон там, у вас перед носом.

Ручки были в пластиковом стаканчике возле кассы. Он взял две.

- Пакет нужен?

- Нет, спасибо.

Он расплатился и уже собирался выйти, когда заметил на полке за кассой жёлтые упаковки вафель.

Никита покупал такие в дорогу. В «Сапсан» набрал целый пакет, хотя Алексей несколько раз напоминал ему, что есть их он всё равно не сможет.

«Ну а ты чего? Ты ж можешь».

- И вафли, пожалуйста.

Продавщица взяла упаковку.

На улице он открыл пакет, достал одну вафлю и откусил.

Она была сухая, слишком сладкая, с дешёвой шоколадной начинкой.

Он доел её до конца.

В гостинице администратор попросила показать ключ. Алексей показал. Она кивнула и снова уткнулась в экран компьютера.

В номере было душно.

Он снял мокрый плащ, повесил на спинку стула, разулся. Долго стоял перед зеркалом в ванной, рассматривая собственное лицо. Потом задрал свитер.

Шрам под левыми рёбрами был на месте.

Тонкий, белый, ровный.

Алексей опустил свитер, умылся и вернулся к столу.

Открыл новую тетрадь.

На первой странице ничего не было.

Он сидел над ней минут пять. Ему было непривычно видеть первую страницу без знакомой надписи. В прежних тетрадях она давно стала чем-то вроде приветствия, обращённого к нему самому.

«Не бойся. Ты справишься».

Он всегда думал, что написал это себе в первое утро.

Взял ручку.

Написал:

«Никита Савельев».

Посмотрел на имя.

Обычно дальше следовали город, дата смерти, обстоятельства, дверь. В конце - несколько строк о том, как человек ушёл, что сказал на прощание, удалось ли ему помочь.

Алексей не знал, что написать в конце этой записи.

Он перевернул страницу.

«Сегодня я встретил Диспетчера».

Подумал и добавил:

«Он вытащил меня из щели».

Записал всё, что смог вспомнить. Разговор об Антонине Григорьевне. Девять дней. То, что Диспетчер искал Никиту, узнав о произошедшем от неё. То, что бородатый был в Медведкове в ночь смерти Даши и пришёл туда к Артёму.

Отдельно подчеркнул:

«С Дашей всё в порядке».

Он долго смотрел на эти слова.

Потом поставил рядом вопросительный знак.

Дальше записал про Петербург, про надпись и про то, что Диспетчер отрицает свою причастность.

Оставил несколько пустых строк.

Ему хотелось написать, что бородатый врёт. Что ему нельзя доверять. Что он знает гораздо больше, чем говорит.

Он уже начал выводить первое слово, но остановился.

Отец бы так не написал.

Отец разделил бы то, что человек сказал, и то, что следователь об этом думает. Потому что человек может ошибаться, следователь может ошибаться.

Алексей зачеркнул начатое слово.

Написал ниже:

«Я ему не верю. Это моё мнение».

Потом добавил:

«Проверить».

Он отложил ручку.

За окном светало. По карнизу стучали капли. В соседнем номере кто-то включил телевизор, и женщина бодрым голосом рассказывала, как приготовить сырники без муки.

Алексей вспомнил отцовский блокнот.

«Чудик. Врёт. Но не враг».

Отец каждое утро просыпался, открывал его и читал о человеке, которого не знал. Иногда не верил написанному, иногда злился, иногда дополнял вчерашние записи новыми. И всё-таки продолжал расследование.

У отца получилось.

Алексей снова взял ручку.

На новой странице он написал:

«Если ты читаешь это и не помнишь разговора, не выбрасывай тетрадь. Ты написал всё сам».

Подчеркнул последнее предложение.

Потом вернулся на первую страницу.

Под именем Никиты написал:

«Ушёл в щель. Я пошёл следом. Не смог помочь».

И ниже, после долгой паузы:

«Просил передать маме, что надел шапку».

Он закрыл тетрадь, лёг поверх одеяла и почти сразу уснул.

* * *

Проснулся Алексей в начале одиннадцатого.

В коридоре гремела тележка. Кто-то постучал в соседний номер и громко объявил, что уборка.

Он лежал, смотрел в потолок.

Сначала вспомнил вчерашний день. Овраг, деда на лавочке, Пирата. Пункт выдачи. Потом Кирова, Светлану Андреевну, обогреватель, скорую.

Потом Никиту.

Он закрыл глаза.

Вчера, проснувшись, он хотел найти друга.

Сегодня ему некуда было идти.

Он лежал так ещё несколько минут, пока не почувствовал, что под спиной что-то мешает. Вытащил из-под себя край одеяла, поправил подушку.

И вдруг задумался.

Как он вернулся?

Он помнил щель. Помнил пустоту, чёрные хлопья, закрывающиеся глаза. Помнил, как перестал сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.